Время от времени ко мне приходят мысли о непредсказуемости, непредугаданности рождения замысла творения. Рождение чуда происходит внутри творческого человека и, вероятно, даже не в уме. Как приходит сюжет?

Вот всего месяц назад ехали мы в троллейбусе: художник и я. Говорили отнюдь не о блестящих работах, выставках, результатах. Да и не затронута была высокая кухня создателя-творца.

Беседа наша крутилась вокруг нашего общего знакомого – о том, как много потерял человек, решив отдать себя загульной жизни, мощным выпивкам, одним словом, глубокому алкоголизму. Потеря человеческого лица, непомерное самовозвышение. Страшное пренебрежение к своим родным, близким людям, если не сказать больше.

Я вышла на остановке раньше, троллейбус увёз художника, а я побрела по мостовой. И, пока я шла, невольно мысли возвращались к теме: обыденное – высокое. Странное соприкосновение повседневного, ощутимо-зрительного и волшебного, возвышенного. Возникновение замысла. О, думаю, неужели замысел творца – это итог страданий? Так это или нет? Вот уехавший человек, какие у него светлые полотна! Его картины потянулись вереницей в моём воображаемом кино: пушистые деревья на берегу водоёма. Пушистые – иногда от солнечных бликов, если лето, осень; пушистые – от инея на их ветвях, это когда зима или поздняя осень. Вся крона искрится голубовато-синим, иногда сиреневым волшебным светом. Это сумерки. Или стоят ели – величественные, мощные, сибирские. А рядом яркий огненный урожай рябиновых ягод – несобранный, на кронах. Возле них река. И задумчивая

вода. Она как живая и словно поглядывает на тебя исподлобья. Глядит, между прочим, как-то нехотя, потому что не до вас ей, она свой путь держит среди замерзающих берегов. Грустно глядит, но гордость всё-таки присутствует, ибо какие лесные стражи её охраняют! Вот воплощённый замысел.

В другой раме из моего воображаемого кино живая стихия радостно яркая. На картине вода смеётся и подбрасывает вам свой неповторимый аромат юмора и желания жить. Это весенне-летняя река. С желанием мчаться дальше, а вас оставить озарённым. И опять я размышляла, задумывалась – как он явился, этот сюжет. Ведь не просто когда художник оглядывал окрестности своей дачи, отдыхая на деревенской околице, у реки.

Как может создатель картин получать пробивающийся извне замысел? Права ли я в своём направлении мысли, когда думаю о рождении его? Изнутри тебя приходит жажда писать? Схватить кисть, перо, смычок…

Или это жар-птица прилетает к тебе и отдаёт золото своих солнечных крыльев. Верно ли, что, испытав огромное страдание или горе, ты преобразуешь печаль в свет и волшебным взмахом палочки, как сам чародей, создаёшь чудо полотен, очарование добра. Волшебным взмахом волшебной палочки!

Уехал художник, увёз с собой свою тайну, чтобы у себя дома поужинать, поделиться с родными прожитым днём, может быть, послушать новости или выполнить что-то вполне обычное по дому. Самое обыденное, обыкновенное. Но, уже засыпая, он прошепчет несколько слов своей обаятельной детской душе, несмотря на то, что сам он уже впору поживший, много испытавший в жизни мужчина. «Спокойной ночи!» Художник и его душа улыбнутся друг другу, а во сне творцу будет сниться новый замысел.

Как-то всё до того складно и елейно получилось у меня, и шла-то я медлительно. Не торопясь. Подходя к аллее, на которой в дни торжеств собираются ветераны и возлагают венки и корзины с цветами, где звучат салютные залпы, я услышала негромкий плач. За стелой стояли двое: у плеча парня-верзилы голова девушки со слегка взлохмаченными волосами. Она что-то торопливо бормочет в перерывах между всхлипываниями. Вздрагивают её плечи. И такими симпатичными показались мне эти оба, такими аккуратными и даже не вполне современными, в смысле их вида, как некоторые неряшливо-небрежные юнцы и девчата. Милые, вот и всё. Парень протянул руку и, обняв девочку за плечи, произнес: «Не бойся, я поговорю. Если надо, по-серьёзному, я задам ему», – и, помолчав, добавил: «Ты рассказывай, ты всё мне рассказывай, поняла?» Он прижал девчонку к себе, взял шапку, которую она держала в руке и надел на её голову. Они оставались там за стелой, а я уходила по аллее, потом прибавила шаг, а затем почти бросилась бежать: «Домой, скорее домой, вот он, сюжет, и даже бумага недалеко, я даже знаю, какого цвета авторучку возьму, и знаю теперь, как иногда приоткрывается сюжетная тайна или её штрих».

Я волшебство,
Я ваше волшебство,
Я хвост и крылья – всё, как вам приснится,
Глаз бусинки: две искры, десять, сто…
Я ваше вдохновение, жар-птица.
На полотно, в звучащую струну,
В стихи, в пленящий голос погружая,
Как затаённым чудом, в жизнь саму
Я прихожу, влетаю, приезжаю.
В побег зелёный, в явь и в старину –
Намеренно, надуманно, случайно, –
В мелодию, как в реку, окуну;
Однако не открою никому
Рождения загадочную тайну.